

Метаморфоза

культура. - 1996. - Февр. - с. 13

БЕНЕФИС ТАНЦОВЩИКА

Екатерина БЕЛОВА

И года не прошло с предыдущего творческого вечера солиста балета Украинской национальной оперы Алексея Ратманского, как "Постмодерн-театр" вновь пригласил публику на его "Бенефис" (генеральный директор "Постмодерн-театра" И. Акперова вообще на редкость постоянна в своих пристрастиях). Но в программе не был повторен ни один из номеров, ранее исполненных танцовщиком. Более того — он выступил в новом, совершенно ином качестве, впервые познакомив нас со своим классическим репертуаром.

Необычность его трактовки второго акта "Жизели" обнаружилась, едва лишь Альберт — Ратманский появился на сцене. Ни приподнято-романтического "диагонального" прохода, ни театрально-развешающегося черного плаща, ни картинно заломленных рук, ни горестно полуприкрытых век — все непривычно просто и строго. Остановившийся взгляд широко раскрытых глаз, нарочитая скудость жестов, решительный отказ от всякой мимики, какой бы то ни было "игры"... Коленопреклоненная поза у могилы Жизели полна отрешенности. Осознание собственной вины столь велико, что не может быть и речи о раскаянии и немой мольбе о прощении. Альберт Ратманского несколько раз прижимает напряженно сжатую кисть к виску, не веря в реальность появившегося перед ним призрака. Никакого "внутреннего диалога" в дуэте с Жизелью (Е. Филиппева) у него не возникает: он по-прежнему остается в замкнутом кругу своего одиночества, не откликаясь на тихий "зов" возлюбленной. Не испытывает его Альберт и леденящего страха

раке истаивающей ночи. Альберт снова остается один в холодных лучах наступающего утра и приемлет одиночество как наказание, как трагическую неизбежность, как вечный крест, который ему предстоит нести...

Манера исполнения Ратманского явно нарушала давно сложившиеся у нас традиции трактовки этой роли, иногда, впрочем, превращающиеся в штампы. Он словно перевел рифмованные хореографические строки в белый стих, придав им более современное, пронзительное звучание.

А вот в па-де-де из "Сильфиды" А. Бурнонвиля танцовщик отдал дань неприкосновенным классическим традициям, внося лишь тончайшие игровые штрихи в старинный "разговор жестами", окрасив чуть ироничной интонацией очаровательный "наивный" дуэт с Сильфидой — Т. Ратманской. Элегантный танец его Джеймса восхищал филигранной четкостью отделки всех мельчайших движений, изяществом "заносок", легкостью прыжков, безупречным соблюдением обязательной "пятой позиции", а главное — беспечной радостью, озарившей сцену веселыми солнечными бликами.

Кульминацией же вечера (помимо уже названного, Ратманский показал еще номер собственного сочинения "Графика на синем фоне" на музыку Чайковского и фрагмент из "Кармины Бурана" К. Орфа в постановке С. Швыдкого) стал "Бхакти" М. Бежара, исполненный в дуэте с графично-острой Т. Боровик. Колоссальное внутреннее напряжение и эмоциональная наполненность танцовщика буквально наэлектризовывали зрительный зал. Интригующе-вкрадчивые, откровенно чувственные, что-то осторожно "нашептывающие" движения контрастировали с царственно-надменными жестами, упругие прыжки сменялись чеканной фиксацией поз.

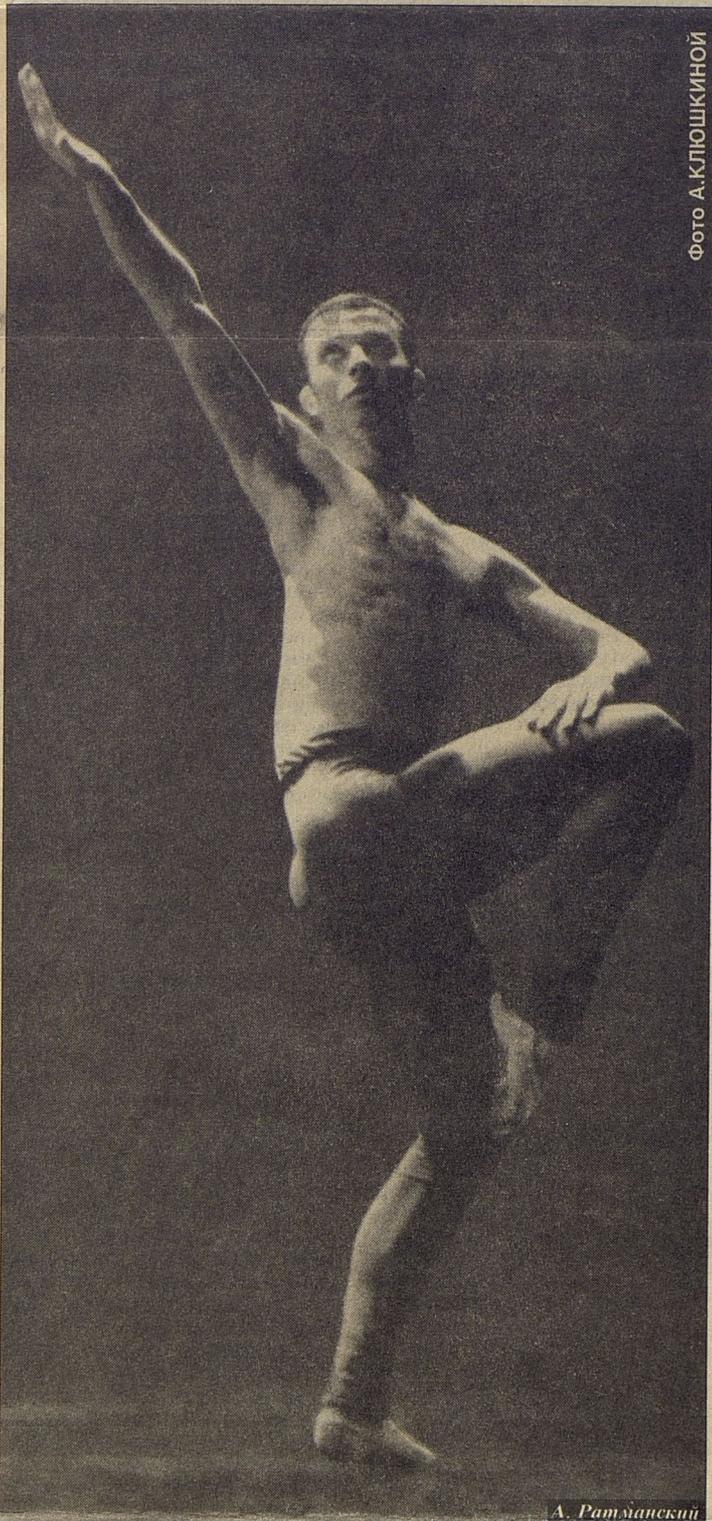

Фото А. КЛЮШКИНОЙ

А. Ратманский

перед виллисами, готовясь принять смерть как кару за содеянное. Но Жизель жертвенно заслоняет его собой, и он словно "прозревает", впервые осознавая происходящее. И потому в его сольной вариации слышны ноты отчаяния. А в коде, с каждым разом все выше и выше отрываясь от земли, он словно находится под гипнозом властного взгляда неумолимой Мирты (О. Павлова). Ему стремительные *entrechat six*, темп которых постоянно нарастает, пугающе безостановочны: кажется, еще секунда — и у него разорвется сердце. И когда Альберт падает, обессиленный, он понимает, что спасла его Жизель, что она — не отзвук далеких воспоминаний, не призрак, не фантастическое видение. Но первые проблески грядущего рассвета торопят расставание героев. Их скорбно-сдержанные объятия растворяются в тревожном сум-

Бесконечные пластические метаморфозы Шивы — Ратманского завораживали своей непредсказуемостью, внезапностью, особой магией танца, совмещившего ритуальную торжественность со стихийностью порывов. Загадочные "иероглифы" движений в интерпретации Ратманского расшифровывались "свойствами страсти", все хореографические фразы прочитывались феноменальной пластикой тела, способного с неправдоподобной легкостью воспринимать стиль любого балетмейстера.

... Прошедший вечер заново открыл нам танцовщика, казалось бы, уже достаточно хорошо знакомого. Но уникальная индивидуальность Ратманского, делающая его явлением исключительным в нашем балете, обещает нам в будущем еще не одно подобное открытие.